

Глава 4

Рабочие техники начали прибывать через десять минут. Рабы входили в отсек, шаркая ногами, с опущенными головами и глазами в пол. Двое членов экипажа работоргового корабля сопровождали их с деактивированными - на данный момент - нейрохлыстами. Однако работорговцы были довольно небрежны; ясно, что они не ожидали каких-либо неприятностей. Люди, проходящие через отсек, были генетическими рабами, которые были рождены, выращены и сформированы рабством. Они давно узнали, что сопротивление просто ведет к страданиям.

Выражения на их лицах были не столько отчаянными, сколько просто пустыми. В конце концов, отчаяние было эмоцией - а рабы Рабсилы обнаружили еще детьми, что эмоции были опасны для таких, как они. Эти взгляды приводили Нэнси в ярость, но она не давала никаким признакам гнева появиться на лице.

После того, как первая партия рабов прошла через отсек, зеленый индикатор на коробке начал мигать. Пока они ждали, что рабы придут, Андерсон и Цанг запрограммировали ящик для записи правильного количества рабов на один чип.

"Ну, давай," - сказала Нэнси. Капитан "Раматибоди" осторожно подошла к ящику и взяла один из чипов.

Только один чип - и она была осторожной, подняв его большим и указательным пальцами. Если коробка обнаружит, что взято больше чипов, чем нужно, крышка захлопнется, обеспечив, чтобы чипы остались внутри - вместе с рукой, которая их держала.

* * *

Когда рабы подошли к открытому люку, который вел в остальную часть станции, два охранника "Раматибоди" передали контроль троим из контингента станции Пармли. Двое из них были оснащены такими же нейрохлыстами; третья была экипирована, как медицинский специалист. Она была там, чтобы проверить каждого прибывшего раба на отсутствие каких-либо дефектов.

Она делала свое дело быстро, почти поверхностно, сканируя каждого раба с помощью ручного медицинского детектора, прежде чем они проходили в трубу для персонала. Устройство ловило что-то очевидное, вроде инфекционного заболевания или рака в поздней стадии.

Это не выявляло более тонких проблем, но это не вызывало большого беспокойства. Медицинское жульничество, состоявшее в подсовывании дефектных единиц в качестве здоровых рабов, избегалось в работорговле, как плохой бизнес. В отличие от популярного взгляда, что у воров нет чести, незаконные или внезаконные операции фактически требовали более пристального соблюдения добросовестности - по той простой причине, что никакие обращения в суды не были возможны в случае спора. Это означало, что такие споры обычно решались насильственно, что заставляло всех участников избегать мелкого жульничества.

Другая причина, по которой медтехник не слишком старалась, была еще проще. Учитывая характер методов производства Рабсилы, было известно, что высокий процент их рабов будет иметь некоторые хронические медицинские проблемы. Подобная радикальная генетическая инженерия, создававшая этих рабов, часто вызывала нежелательные побочные эффекты. Например, раб, выведенный для большой силы, мог иметь серьезную проблему с артериальным давлением или был подвержен почечной недостаточности.

Как правило, продолжительность жизни генетических рабов была короче, чем у большинства людей, даже оставляя в стороне тот факт, что такие рабы почти никогда не получали пролонг для продления их жизни. Согласно Библии, дни наших лет составляют шестьдесят лет и десять. Рабсила, возможно, не желая самонадеянно казаться равным Господу, считала, что пятидесяти или шестидесяти лет достаточно для их продуктов.

Как только медтех одобрительно кивала, каждый раб проходил через люк в трубу для персонала, ведущую к их новым помещениям на станции Пармли. Два охранника, ожидающие внутри, сопровождали их. Точнее, прислонившись к стене иногда махали им так же небрежно, как медтех выполняла свои обязанности. Они не опасались мятежа. Рабы прекрасно знали, что такая станция, как эта, имеет те же принудительные механизмы эвакуации, что и все корабли работоторговцев. Если бы они успешно восстали здесь в отсеках и коридорах, кто-то в недоступном центре контроля просто нажал бы кнопку, и все они были бы выброшены в вакуум.

* * *

Лейтенант-полковник Айбонгвинкоси Кабвеза и ее команда прошли все восемь люков пока, наконец, не пришли к люку, который, по словам Аяко, вел в каюты экипажа. По ее словам, по крайней мере в шести отсеках из тех, которые они прошли, содержались рабы.

Если ее и беспокоил тот факт, что Кабвеза не предприняла никаких усилий, чтобы открыть эти люки и освободить рабов там, она не показывала этого. Она казалась довольно умной; достаточно, вероятно, чтобы осознать, что освобождение рабов само по себе, перед тем, как корабль будет в безопасности, было бы контрпродуктивным.

"Здесь," - прошептала она, прикоснувшись к люку указательным пальцем. "Он будет закрыт."

Дэймвуд ухмыльнулся - выражение, которое было потрачено впустую из-за лицевого щитка.

Его пальцы заработали на его устройстве. Менее чем через пять секунд он отступил от люка.

"По крайней мере, этот обслуживался." Он двинул Кабвезу и ее команду вперед жестом руки одновременно с началом открытия люка.

Настало время горилл. Разумеется, люк, скользящий в сторону, не мог быть сорван с петель, но лейтенант-подполковник хорошо симитировала разрушение двери, насколько это было возможно в сложившихся обстоятельствах.

Помещение, в котором она оказалась, было маленьким, пустым, длиной не более пяти метров - просто входная труба. В конце напротив того, в который она вошла, справа и слева были открытые люки. Через аудиоусилитель, встроенный в ее бронированный скафандр, она слышала звук голосов, идущих из люка слева.

Через две секунды она прошла через этот люк с игольником наготове.

Три члена экипажа корабля работоторговцев сидели за столом в небольшом помещении, играя в карты. Потрясенные ее внезапным появлением, двое, которые сидели лицом к ней - один мужчина и одна женщина - смотрели на нее с открытым ртом. Мужчина, сидевший спиной к ней, начал поворачиваться на своем сиденье.

Полковник Андерсон ясно дала понять, что хочет живых работоторговцев для допроса. Один из солдат Факела, рядовая Мэри Киллонен, была вооружена старомодным парализатором именно

по этой причине. Но поскольку Кабвеза не знала, с чем они столкнутся, ворвавшись в каюты экипажа, она оставила Киллонен в тылу, и теперь не было времени поставить ее впереди, прежде чем работоторговцы поднимут тревогу.

Немного недовольная глупым делом взятия пленных, но подчиняясь приказу, Кабвеза выстрелила в ноги сидящего перед ней человека. Выстрел раскрошил конечности ниже колен так, что их пришлось бы ампутировать. Но с быстрым лечением он выживет, а чтобы говорить, ноги не нужны.

Она шагнула вперед на два шага и двинула стол в стену за ним мощным ударом ноги, сокрушив женщину, сидевшую за ним. Это сломало несколько ребер женщины, одно или несколько из которых почти наверняка попали в ее легкие. Она ахнула, но ничего другого не произнесла. Снова потребуется скорая помощь; она выживет, хотя сможет говорить только шепотом какое-то время.

Почти одновременно лейтенант-полковник ударила прикладом своего оружия в лоб третьего и последнего члена экипажа. Она старалась сделать удар достаточно легким, чтобы просто оглушить мужчину, но ...

Одетой в бронированный скафандр, в бою было трудно сделать это. Она была уверена, что проломила ему череп. Он мог выжить, а мог и нет, но полковник Андерсон казалась разумным командиром, даже если ее иногда одолевали глупые причуды. У нее было достаточно опыта, чтобы понять реалии нападения в тесных каютах.

Все это заняло не больше нескольких секунд. Лучше всего то, что это было сделано довольно тихо. Острые как нож снаряды игольника двигались с высокой дозвуковой скоростью, без предательского кричащего звука сверхзвуковых дротиков пульсерной винтовки. Человек, которому она выстрелила в ноги, кричал в агонии, но не более двух секунд. Рядовая Киллонен подошла прямо за Кабвезой и заставила его замолчать своим парализатором. Ни один из других членов экипажа не смог поднять тревогу, а остальные шумы были приглушены настолько, что были хорошие шансы, что они не насторожили никого на корабле. Даже этот короткий крик, вероятно, не сделал больше, чем заставить кого-то на мостике удивиться. Короткий звук, независимо от громкости, забывается, если за ним не следует ничего другого.

В любом случае, Кабвеза не беспокоилась. Она уже прошла через люк в дальнем конце столовой, и ее команда следовала за ней. Это действительно не должно занять много времени.

* * *

Комм Нэнси Андерсон тихо зажужжал. Она подняла палец, указывая капитану "Раматибоди", что ей нужно время, чтобы принять вызов.

"Да, кто это?" Ее тон был слегка раздраженным.

"Извините, что беспокою вас, шеф, но я думал, вы должны знать, что "Хали Саул", кажется, возвращается на станцию."

У Нэнси было устройство с громкоговорителем, поэтому капитан Цанг могла слышать обе стороны разговора.

"О, черт. Чего хочет эта маньячка?"

"Понятия не имею, шеф. Они еще не послали никаких сообщений. Возможно, я неправильно

понял изменение их курса, хотя я не могу придумать, что еще им делать, кроме как вернуться сюда."

"Хорошо. Вероятно, она просто хочет покричать на нас еще немного, но просто чтобы быть в безопасности, нужно подготовить устройства точечной защиты. Лазерных кластеров будет более чем достаточно, чтобы справиться с этим куском дерьма."

Она выключила комм. "ДА и это, наверное, перебор," - сказала она Цанг. "Я сомневаюсь, что на этом корыте есть какая-то военная техника, о которой стоит говорить. А пока мы можем безопасно продолжать. Шкипер "Хали Саул" на самом деле не очень умный человек."

Цанг усмехнулась. "Пусть она будет вашей головной болью, а не моей." Она посмотрела на устройство в своей руке. "Если у вас такой же результат, как у меня, все техники, которых мы продали, учтены. Вы должны мне еще один чип."

"Сходится." Андерсон кивнула на открытую коробку, в которой снова появился зеленый свет. "Подойдите и возьмите его."

Цанг так и сделала. "Хорошо, это дело сделано. Что вы хотите делать дальше? Заняться единицами для удовольствия или рабами для тяжелого труда?"

Сообщение о возвращении "Хали Саул" было кодом. Центр управления станции Пармли получил очень короткий зашифрованный сигнал от Лорена Дэймвуда, означающий, что команда Кабвезы находится внутри корабля работорговцев и начала штурм. Теперь все стало двигаться очень быстро.

"Давайте начнем с единиц для удовольствия," - сказала Андерсон. Тотчас появились люди из КБИ, изображавшие рабов для удовольствия Рабсилы, Цанг и ее люди отвлеклись и потеряли бдительность.

"Идет."

* * *

Один из членов команды остался в столовой, чтобы позаботиться о пленных. Кабвезе действительно не был нужен весь отряд для самого штурма. Во всяком случае для них не было места в тесных помещениях, через которые они проходили. Она предпочитала взять с собой старпома и его специальные устройства и навыки, чем оставить его для выполнения простых медицинских задач.

А они были простые. Все, что требовалось - сохранить трех пленников в живых. Доброе здоровье допускалось. но сознание было бы неудобством.

Капрал Богуслав Эрнандес начал с применения автоматических жгутов к искромсанным ногам человека, в которого выстрелила Кабвеза, так как его травмы больше всего требовали немедленного внимания. Затем он осмотрел женщину с полуразрушенной грудной клеткой и мужчину, которого ударили по голове.

Он решил, что женщина сможет дышать достаточно хорошо, если ее успокоить. Он ввел ей наркотик, который не мог бы парализовать ее или сделать ее полностью бессознательной, но оставил бы ее неспособной действовать или думать связно, а тем более предупредить кого-либо еще.

Он хотел сделать то же самое с женщиной без сознания, но он не был уверен в степени разрушения его мозга. Судя по всему, подумал он, череп мужчины сломан.

Эрнандес решил, что лучше всего оставить его в покое. Не было никаких шансов, что человек придет в сознание до того, как все закончится, и вряд ли он мог бы поднять какую-то тревогу.

* * *

Такахаша Аяко осталась с отрядом, так как они все еще находились в той части корабля, с которой она была знакома. Когда они дошли до следующего закрытого люка, освобожденная рабыня сделала возбужденное движение руками.

Это каюты экипажа, сказала она беззвучно.

Кабвеца кивнула. Как и прежняя усмешка Лорена, этот жест был невидим из-за защитного лицевого щитка. Но это не имело значения. Дэймвуд тоже прочел по губам Аяко и уже работал на своем специальном оборудовании.

Преодоление безопасности внутренних люков было детской игрой для кого-то вроде Лорена. Через несколько секунд он поднял руку, открыв все пальцы. Затем быстро закрыл кулак и снова открыл пальцы. Этот сигнал показывал, что он вот-вот откроет люк.

Кабвеца сделала шаг назад. За ней то же сделали остальные члены ее команды. Такахаша поспешно посторонилась.

Люк заскользил, открываясь. Кабвеца вошла и ...

Ничего. В коридоре было пусто. Слева три люка - все открытые - вели в спальные отсеки. Ни один из них не был занят. Все они были неприбранными и грязными.

Когда Аяко вошла в коридор, она посмотрела на один из отсеков, и измученное выражение появилось на ее лице. Она быстро отвернулась.

"Куда теперь?" - тихо спросила Айбонгвинкosi, громкость ее шлемного громкоговорителя была устроена очень низкой.

Такахаша посмотрела неуверенно и слегка пожала плечами. "Я не совсем уверена," - прошептала она. "Это ..." Она сделала паузу и немного вдохнула. "Это самое дальнее место... куда они меня брали."

Она указала на закрытый люк в самом конце коридора. "Но из того, что они говорили, я думаю, что это ведет в их главное место. Мостик, правильно?"

"Хорошо. Оставайся здесь. Остальные, за мной."

Такахаша слегка вздрогнула. "Я не хочу оставаться здесь. Я действительно не хочу."

Айбонгвинкosi немного поколебалась, а потом сказала: "Пойдем с нами. Но оставайся сзади и не путайся под ногами."

Через пять секунд она и ее отряд были в готовности около люка. Старпом снова начал свою магию.

* * *

Услышав какой-то небольшой шум позади, Нэнси повернула голову и увидела, что двое ее людей появились у люка с ее стороны грузового отсека. Один из них сказал: "Они здесь, босс."

Андерсон вернулась к капитану "Раматибоди". "О'кей, мы готовы начать торговлю единицами для удовольствия. Вы можете передать кредитные чипы, если хотите."

Цанг указала на одного из своих подчиненных, который взял маленький мешок с кредитными чипами, которые они уже получили за техников чтобы унести на свой корабль.

"Не то, чтобы мы вам не доверяли," - сказала Цанг Нэнси. "Тем не менее, как пелось в старой песне: "лучше безопасность, чем сожаление"."

"Древняя пословица на Старой Земле говорила лучше. "Хорошие заборы делают добрыми соседей"."

Андерсон и Цанг обменялись слегка ироническими улыбками. Ирония не была нацелена друг на друга так же, как на вселенную в целом. У работоторговцев такой взгляд на жизнь, который мечтательный поэт - или литературный критик, более вероятно - мог бы назвать откровенно ироничным.

Подобная поэтапная торговля была обычным делом в их бизнесе. Действительно, считалось вежливым, что сторона покупателя должна позволить продавцу периодически переводить полученные средства в безопасное место, прежде чем продолжить.

Как только член экипажа "Раматибоди" с сумкой кредитных чипов ушел, Андерсон указала своим собственным людям привести единицы для удовольствия в грузовой отсек.

Их было трое, одна женщина и двое мужчин. Все трое, как и следовало ожидать, были чрезвычайно привлекательными. В отличие от большинства рабов, они не опускали глаза и не смотрели в пол. Их взгляды были ровными, просто ... пустыми.

Цанг улыбнулась и потерла руки. "Ну, начнем!"

* * *

Когда член команды, несущий сумку с кредитными чипами, прибыл на мостик - профланировал по мостику, лучше сказать - его первые слова были следующими:

"Эй, ребята, посмотрите на это! Мы сработали лучше, чем ... что за черт?"

* * *

Показав удивительно ограниченную лексику для людей, которых литературный критик мог назвать откровенно ироничными, капитан Цанг использовала те же слова, когда Андерсон и два ее человека внезапно достали свои пистолеты. Одновременно трехствольники, установленные на переборке в грузовом отсеке, повернулись, чтобы направить свои смертоносные дула на людей с "Раматибоди".

"Что за черт?"

* * *

В конце концов, они захватили всех, кроме двух работоторговцев, живыми.

Человек, чей череп был разбит Кабвезой, умер восемнадцать часов спустя, не приходя в сознание. Хотя Андерсон не критиковала. Учитывая сложность задачи и подготовку штурмовых войск Факела, только одна смерть была маленьким чудом.

Лейтенант-полковник отнеслась с меньшей философией к этому делу. "Я никогда не прощу себе," - сказала она.

"Не будь так строга к себе, Айи," - успокаивающе сказала Андерсон. "Одна смерть это не так уж плохо."

"Это лучше, чем ничего," - ответила Кабвеза. "Но я все-таки буду всеобщей мишенью для шуток, когда узнают остальные наши люди. На детских площадках есть более опасные "штурмовые отряды", чем мы."

* * *

Смерть второго работорговца не могла быть поставлена на счет атакующих, если вы не хотели обвинить их в убийстве по небрежности, чего Андерсон даже не предполагала, как только ей объяснили обстоятельства.

Когда команда покинула столовую, Такахаша Аяко взяла кухонный нож, который лежал на стойке. Это был просто нож для чистки, имеющий лезвие длиной не более девяти сантиметров. Один из атакующих заметил, как она это делает, но его единственной реакцией было веселье.

"Эй, послушайте, я только что подумал, что она милашка," - объяснил сержант Супакрит Экс командиру батальона. "Она стоит там, окруженная обезьянами, вооруженными до зубов и бронированными до ботинок, но она все еще настаивает на том, чтобы получить оружие. Если вы можете назвать эту возмнившую о себе зубочистку оружием."

"Милашка," - сказала Кабвеза с отвращением.

Супакрит Экс скривился. "Слушайте, шеф, я извиняюсь. Я ошибся."

"Милашка," - повторила Кабвеза. "Возмнившая о себе зубочистка."

* * *

Четверо работорговцев на мостике сдались, как только Кабвеза и ее солдаты ворвались внутрь. Никто из них не был вооружен, кроме офицера связи Ондreja Монтойи, которого капитан Цанг оставила на вахте, когда она сошла на борт станции Пармли. И пистолет Монтойи - в кобуре с закрытым клапаном - был бесполезен против брони вооруженных атакующих солдат.

После того, как они сдались, Кабвеза приказала всем четырем работорговцам встать против одной из переборок, наклонившись далеко вперед и поддерживая свой вес на руках. Это делало их не такими беспомощными, как если бы они были в наручниках, но штурмовые войска Факела не несли наручников, потому что они обычно не получали глупые, сентиментальные приказы брать пленных.

Тем не менее, они были довольно беспомощны. Такахаша, очевидно, так и думала. Не успели четверо работорговцев занять позицию, как освобожденная рабыня, визжа от ярости, помчалась вперед и ударила одного из них в почку своим маленьким ножом для чистки.

Рана не была смертельной. Зная современную медицину, она была даже не очень серьезной.

Но шока и боли было достаточно, чтобы заставить работорговца отскочить назад, после чего он споткнулся о Такахашу, и они оба упали - большой работорговец на маленькую рабыню.

По иронии судьбы, ему было бы лучше, если бы их положение было обратным. Если бы Аяко была наверху, ей нужно было бы ударить его с полной силой; очень драматично, ее рука поднялась бы над ее головой, прежде чем она опустила бы лезвие. Она вполне могла бы его зарезать, но солдаты, вероятно, оттащили бы ее, прежде чем она могла бы нанести какие-то смертельные раны.

А так как она была снизу, Кабвеца и ее люди не могли до нее добраться. И так как теперь она была не связана такой необходимостью, она избегала любого драматического удара и просто толкнула лезвие, насколько могла, в ближайшую цель, которая оказалась левым глазом человека.

Девять сантиметров не очень много, но череп мужчины не намного больше чем двадцать сантиметров по длинной оси спереди назад. Движимый яростью Такахашу Аяко, клинок прошел почти половину мозга работорговца. А затем, визжа и ругаясь, она крутила и двигала лезвие назад и вперед, вверх и вниз.

Солдатам Факела потребовалось не более четырех-пяти секунд, чтобы перевернуть работорговца и оттащить от него Такахашу, но к тому времени она довольно успешно превратила треть его лобных долей в фарш. Робот, проводивший позже вскрытие, сообщил, что она также вырезала часть его лимбической системы.

Современная медицина на самом деле не чудотворна, хотя этот термин часто используется. Практически человек умер, прежде чем ему могла быть оказана какая-то помощь.

Или как разжалованный в капрала Супакрит Экс с большим удовлетворением произнес за солдатским ужином: "Я говорю вам, этот ублюдок был мертвее мертвого."

Он не был особенно расстроен своим новым низким званием. Во-первых, он знал, что его понижение в основном было сделано из принципа, а не потому, что Кабвеца действительно злилась на него. Он думал, что достаточно скоро вернет свое звание.

Кроме того, по его мнению, он был разжалован по хорошей причине. Это не то, что понижение в должности за пьянство и недисциплинированность.

"И я все еще говорю, что она милашка," - добавил он. "Хотя на свидании с ней надо вести себя хорошо."